

УДК 141

С.Р. Динабург

ИНСТРУМЕНТЫ И РЕСУРСЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ СТРАТЕГИЙ

Рассматриваются взаимосвязанные аспекты трансдисциплинарности не только как способ выхода за дисциплинарные границы науки, но и как философская метапозиция по отношению ко всей современной культуре и жизненному миру. Обобщаются условия существования трансдисциплинарных практик и их амбивалентный потенциал реализации. Выход за дисциплинарные границы не снимает проблему демаркации научного и вненаучного знания, а выводит ее на новый уровень. Привлечение публики к социально-ответственным решениям проблем на стыке «науки» и «жизненного мира» несет риск профанации знания, подрыва профессионализма и академизма. Трансдисциплинарность понимается, как стратегия, нуждающаяся в обосновании и разработке методических принципов и инструментов. Указывается различие фокусов внимания к различным сторонам трансдисциплинарности: отечественные исследования в большей степени ориентированы на теоретико-методологические вопросы, зарубежные исследования содержат большой практический материал, требующий систематизации и осмысления. Автором предпринята попытка выстраивания связей между уровнями теории и практики путем использования концепта картографирования и системы структурирующих вопросов. Акцентируется значимость проблемы поиска взаимопонимания и кооперации участников трансдисциплинарного «совместного проекта». Автор полагает, что приемы инженерии трансдисциплинарности нуждаются в прояснении через образы и знаки, укорененные в сознании благодаря культурному наследию. Приводится пример разрешения проблемной ситуации в драматическом сопряжении ролей «экспертов» и «профанов».

Ключевые слова: архитектура вопросов, дисциплина, жизненный мир, инженерия трансдисциплинарности, казус, картографирование, кросс-фертилизация, концепт, парадокс, паранаука, проблема демаркации, ризома, трансдисциплинарность, фасилитация.

S.R. Dinaburg

TOOLS AND RESOURCES FOR TRANSDISCIPLINARY STRATEGIES

The article discusses the interrelated aspects of transdisciplinarity not only as a way to cross the disciplinary boundaries of science, but also as a philosophical meta-position in relation to the whole of modern culture and life world. The conditions of existence of transdisciplinary practices and the ambivalent potential their implementation also generalized. Going beyond disciplinary boundaries does not eliminate the problem of demarcation of the scientific and non-scientific knowledge, and leads it to a new level. Engaging the public to socially responsible decisions in dealing with problems at the junction of "science" and "life-world" carries a risk of profanation of knowledge, able undermining the professionalism and academism in the incorrect attempts. First, transdisciplinarity is understood as a strategy, and this way needs the

justification and the development of methodical principles and tools. The article specifies the difference between the foci of attention to various aspects of transdisciplinarity: domestic studies are more focused on the theoretical and methodological issues, foreign studies include extensive practical material that requires systematization and reflection. The author attempts to build ties between the levels of theory and practice, using the concept of mapping and system structuring questions. It emphasizes the importance of research problems of mutual understanding and cooperation of members in the transdisciplinary "joint project". The author believes that engineering techniques transdisciplinarity need clarification through images and symbols rooted in the consciousness through cultural heritage. There have been an illustration of resolving the situation with a dramatic exchange between roles "expert" and "profane".

Keywords: architecture of questions, discipline, life-worlds, engineering for transdisciplinarity, case method, mapping, cross-fertilization, concept, paradox, parascience, problem of demarcation, rhizome, transdisciplinary, facilitation.

Термин «трансдисциплинарность» в современной мировой практике употребляется в нескольких устойчивых значениях. На наш взгляд, дело не в том, что существует несколько видов и форм трансдисциплинарности как раздельных практик – сформировавшихся учений и коллективов исследователей, философских и эпистемологических школ с автономными методологиями и принципиально не пересекающимися картинами мира. Безусловно, можно говорить о некотором расхождении взглядов – исследователи, находящиеся в оппозиции к мейнстриму. Кроме того, существует и своя «тень» (не всегда корректное и обоснованное апеллирование к теме), критика и скептицизм разной степени обоснованности – все это вносит свой вклад в пространство смыслов.

Однако можно увидеть, что различие значений сложилось естественным путем, исходя из различных ракурсов, предметов интереса и исследовательских традиций – как взаимосвязанные аспекты (или фрагменты) одной и той же проблемы. А именно проблемы совмещения логики научного поиска, технических достижений, политических сил, экономических механизмов и социально ответственных решений.

Философия трансдисциплинарности, таким образом, представляет собой попытки выйти на метапозицию по отношению ко *всей культуре и жизненному миру* и уже с этой новой позиции охватить целое – обнаружить феномен в его целостности и осмыслить его.

Заявка на «всеобъемлющий синтез» на основе уважения к плюрализму и разнообразию происходит в условиях, когда человечество «в очередной раз теряет свое единство, внутреннюю устойчивость, обнаруживает в себе угрожающую и завораживающую бездну хаоса, волну нового варварства, размывающего его культурные основания» [1, с. 19]. Проект выглядит «интригующе и привлекательно», но вместе с тем вызывает и опасения – ассоциативные толкования вместо систематичной рациональности; спекулятивные построения без понятных алгоритмов; зыбкая почва «кризиса самоидентификации науки», «экзистенциального измерения», «пограничных ситуаций и опыта предельного». Все это интересно и, несомненно, актуально, – признает научная общественность, – и, возможно, кто-то из нас способен это ясно понять. Но практический вопрос: как этим можно пользоваться, тем более донести до широкой

общественности, которой проект и адресован? «В числе прочих последствий нас особенно беспокоит тот вызов канонам академической науки и академического образования, который несет в себе трансдисциплинарность» [2, с. 9].

На наш взгляд, проблематика трансдисциплинарности и ее практическая значимость образуются не столько приверженностью к одному или нескольким значениям термина или даже трансдисциплинарной матрице с её предписаниями, сколько трансдисциплинарностью, которая возникает при соблюдении нескольких метаусловий. Во-первых, необходима способность удерживать в поле внимания основные, «ядерные», признаки подхода и широчайший культурный контекст проблемы. Затем «общность по настроению» [1, с. 22] – драматический, но в конечном счете позитивный и конструктивный настрой, нацеленность на поиск баланса интересов. Эта мотивация к сотрудничеству и конструктивному решению обусловлена не только пониманием природы экзистенциального кризиса и доверием к ресурсам кооперации, освоенным благодаря позитивному опыту. Она возникает, с необходимостью, при определенных условиях и определенном «градусе» напряжения между полюсами «угрозы и спасения». Наконец, это готовность к неустойчивому (возникающему и исчезающему), полиморфному и поливариантному бытию, которому соответствует методологический концепт ризомы [3, с. 148–152]. Тогда уникальный и единичный факт обыденной жизни понимается, с одной стороны, как особенное в отношении модели-инварианта, и с другой – как основание для множества всеобщих моделей-истолкований. Он оказывается частью структуры, которая не подчиняется правилам тиражирования с пред-заданного образца, а подлежит процедуре распутывания, разгадывания, картографирования с обоснованием включения опорных точек и ветвей – событий, интерпретаций и моделей.

Исследования на тему трансдисциплинарности, в свою очередь, также соответствуют концепту ризомы. Можно увидеть хорошо «протоптанные» участки «пути» – подобно магистральным автострадам, петлям и кольцам. И если доверять «путеводителям», из них не так просто «выскочить» в менее заметные, менее «обжитые», но соединяющие их участки. Отечественные сегменты этой ризомы, освоенные нами, циркулируют в основном вокруг вопросов методологии, обоснования исторической миссии и/или обеспокоенности, освещения проблематики (в общем виде) на передовых рубежах, очень редко затрагивая такие частности, как методические приемы. По жанру – все это научные статьи высокой теоретической концентрации, искусная ажурная паутина, попав в которую чужак обречен нелепо жужжать, биться и найти свою погибель. Доступные нашему вниманию зарубежные сегменты ризомы, напротив, имеют практическую направленность и с миром теоретической мысли сообщаются, судя по своеобразию ссылок, через «атмосферу» – через носящиеся в воздухе идеи. Как правило, это общественно-политические заявления, исследовательские отчеты, материалы для обсуждения, хрестоматии, практические руководства и открытые депо-

зитории инструментов. Все это многообразие профессионально и скрупулезно собранной конкретики можно уподобить «ансамблю муравьиного зодчества» – простые формы, обилие данных, строжайший регламент, четкое структурирование к вашим услугам, но не думайте, что можно легко проникнуть внутрь.

Таким образом, картографирование трансдисциплинарной ризомы видится нами как задача обнаружения и разработки методологических подходов, методических приемов и инструментальных средств, с прорисовкой контекста жизненно важных связей. Такая «зарисовка карты», в свою очередь, представляет интерес как трансдисциплинарная практика и парадоксальный опыт. С одной стороны, возможности любого, сколь угодно обширного обследования не обеспечат исчерпывающей полноты – мы всегда будем иметь дело с интерпретируемым фрагментом целого в некотором выбранном масштабе исходя из прагматики ситуации. С другой стороны, каждый фрагмент такой ризомы дает некоторое представление о целом – хотя и не с такой степенью определенности, как систематичная фрактальная структура (трансфрактальность). Каждый последующий уровень (или сопряженный фрагмент) «картографирования» является живым становлением нового баланса (обоснований, ресурсов, интересов и пр.). «Открытость такой интегративной методологии выражается в антидогматической незавершенности любых синтетических построений и возможности их дальнейшего обогащения и преобразования» [4].

В таком случае от проблемы «полноты» можно перейти к «достаточности», от ловушек произвольности и блуждания – к методичному «прокладыванию маршрута». В философской традиции существуют *методические* способы «объять необъятное»: например, построить сеть взаимосвязанных вопрошаний, культивировать «архитектуру вопросов» [5, с. 21], где степень прояснения ориентирована на потребности практики.

Согласно этой традиции первая группа вопросов может выглядеть так: *Как возможна трансдисциплинарность? Что она такое? Почему мы должны ее использовать? Какие (по)следствия вызывает её использование? Что будет, если её не использовать?*

По пунктам:

1. Трансдисциплинарность (ТД) возможна прежде всего из-за ценностного поворота в отношении «обоснования» и «выбора». «Это предполагает рациональность открытого мышления, переосмысляющего понятия “определение” и “объективность”» [6].

Из каких бы источников концепт ТД ни выводился – из анализа ли науки с современной нуждой в интегративном модусе производства, из анализа ли общества с продолжением принципа коммунитаризма в область эпистемологии, из рефлексии ли экзистенциального свойства, – в любом случае придется признать взаимообусловленность уровней реальности. Разница в том, является ли это событие лишь следствием избирательности, *лишь* встречей «двух самодостаточных рядов детерминации, и ничего более» [2, с. 10] или

«антиномистически напряженным измерением, полюса которого находятся в постоянных сетевых отношениях взаимообоснования» [4]. Кроме того, его результат – лишь конstellляции, имеющие «прежде всего практический характер», которые «не следует смешивать с фундаментальным, а тем более “окончательным” обоснованием» [2, с. 10] или – «более просторный образ реальности», который «хранит в себе тайну бытия как своего начала» [4].

Трансдисциплинарность возможна как продолжение постмодернизма, но какого именно продолжения? Раздражающего блужданием в лабиринтах отражений, с девальвацией смыслов и инфляцией эго или возрождающего всеобъемлющую простоту жизненного мира? Если «к конstellляциям», то по автобану постмодернизма следуйте прямо, а если к «тайнам бытия», то сворачивайте по указателю, где категории «практики» и «встречи», статусы «незавершенного» и «обыденного» устойчиво насыщены и обогащены.

2. Трансдисциплинарность – это исследовательская *стратегия* [7, с. 194], предполагающая выход за рамки предмета научной дисциплины, за рамки метода, теории и за рамки самой науки [8], навстречу иному знанию – смежному дисциплинарному, философскому, обыденному. Эта теоретическая попытка «трансцендировать» дисциплины является ответом на гиперспециализацию – «процесс, ведущий к драматическому росту фрагментации и раздробления знания» [7, с. 195].

Краеугольный камень трансдисциплинарности – «семантическое и практическое объединение тех смыслов, которые находятся в области пересечения и лежат за пределами различных дисциплин» [6]. Встреча у фонтана происходит в диалоге, на нескольких уровнях. Во-первых, в решении проблемно ориентированных исследовательских задач принимают участие не только профессионалы, представители различных сфер, но также «заинтересованные стороны» – те, кого ранее пренебрежительно называли «дилетантской публикой», «рядовыми обывателями». Во-вторых, в условиях роста знаний и гиперспециализации даже профессионал находится одновременно в трех различных ролях: «эксперта», «профана» и «свидетеля». Наконец, социально ответственные решения предполагают, что при разрешении частных проблем незримо присутствует «общество» (и «общественные интересы»). Поэтому ключевыми понятиями трансдисциплинарности являются также кооперация, совместные усилия, *совместный проект* [7, с. 195].

3. Долженствование имеет смысл рассматривать в двух связанных модальностях: необходимости, вынужденности и добровольно принимаемых обязательствах, моральном долге. Мы видим органичную связь *необходимости* с содержанием понятия дисциплины, поскольку это не только «область знания», но и «практика продуктивного ограничения в поведении». *Выход* за дисциплинарные границы приложим как трансгрессия к первому значению при сохранении и даже усилении значения второго.

Если девиз эпистемологического анархизма – «все разрешено», то девиз трансдисциплинарности можно понять как «неформализуемый порядок», «не предписанное комильфо». Эпическое *пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что* для разрешения экзистенциальных проблем жизненного мира «реализуется в полемической взаимосвязанности (общении без обобщения) участвующих в обсуждении сторон на основе личной ответственности субъектов, осознающих конечную природу своих представлений о добре и зле, и социальной подотчетности (непритязательной ответственности)» [4].

Моральное долженствование в трансдисциплинарности восходит не к обоснованию, а к императивам. Здесь мы найдем постулат «обязательного служения экономики человеку, а не наоборот». Также выдвигается императив о подлинном образовании – оно «не может ставить абстракцию выше иных форм знания», но «должно учить контекстным, конкретным и глобальным подходам». И в целом все это требует взгляда на судьбу человека в планетарном и космическом измерении, «признания Земли нашим домом» [6].

4. ТД-стратегия позволяет исследователям «официально выходить за рамки своей дисциплины, не опасаясь быть обвиненными в дилетантстве», защищает любые частные точки зрения, провозглашает «равные права известных и малоизвестных ученых, больших и малых научных дисциплин, культур и религий в исследовании окружающего мира» [9, с. 10].

Подобная перспектива далеко не всегда вызывает энтузиазм в научной сфере. Даже признавая необходимость совместных усилий и поиска взаимопонимания при решении проблем на стыке «науки» и «жизненного мира» (например, в экологии, биомедицине, энергетике, новых технологиях и пр.), специалисты нередко видят в подобном подходе наступление на профессионализм и академизм. Эти возражения и опасения по поводу «профанизации» невозможно свести только к защите статусов, «сословных привилегий», права на экспертное знание. Озабоченность возможностью «внести путаницу в теорию и вызвать дисфункциональные эффекты на практике» [2, с. 9] нам кажется вполне обоснованной. Действительно, это некорректная и непродуманная реализация любых стратегий. Дьявол, как известно, кроется в деталях, а его аргументы могут выглядеть весьма убедительно.

В частности, традиционная проблема границ научного и ненаучного знаний (проблема демаркации) отнюдь не снимается, а приобретает новый импульс.

Практическая сторона проблемы вызвана современными масштабами ущерба из-за распространения псевдонауки и её внедрения в систему производства знания. Из доклада Комиссии РАН: «Из-за проникновения лженауки на уровень принятия решений, в том числе государственных, *ситуация приобрела характер, близкий к чрезвычайному...*» [10].

Признавая, что публичная аудитория своим участием так или иначе способствует усилению позиций псевдонауки, еще не всегда можно полностью

осознать тот факт, что «экспертная наука» сегодня диффузным образом граничит с «гражданской наукой», а «общественность» уже невозможно вытеснить с позиции «заинтересованной стороны». Поэтому «... именно для достижения целостности и обоснованности, рациональности принятия жизненно важного решения требуется своего рода „профанация“» [1, с. 22] как встреча на общей территории и общение на «эсперанто» [9, с. 17] как на общепонятном языке смыслообразования.

Теоретическая сторона проблемы демаркации заключается в том, что более тонкая дифференциация видов ненаучного знания и характера связи с наукой позволила бы достигать более избирательной и обоснованной открытости, не разрушая корни научного творчества грубым давлением обскурантизма.

Понимая динамику коэволюции науки и паранауки, уже недостаточно бороться с лженаукой, полагая её единственным видом вненаучного знания. К тому же борьба с лженаукой сегодня успешнее ведется не в поле научных истин, а с помощью более отчетливых и формализуемых критериев – наукометрических, лингвистических и правовых. «Паранаука же однозначной оценки не заслуживает «по определению» – она принципиально амбивалентна, поскольку включает не только *знание* (в том числе, вполне возможно, ложную интерпретацию неких фактов), но и определенную *практику* – источник всякой науки и критерий ее истинности» [11, с. 19]. Эвристически ценные (протонаучные) элементы паранауки предлагается определять по их способности контактировать с научными теориями, включаться в систему множественных взаимоувязанных обоснований. В этой сфере «когнитивно-коммуникативная практика» участников встречи нуждается в развитии особых инструментов.

5. Хотя конкретное исследование или проблемная ситуация всегда имеют альтернативы при выборе стратегии, в глобальном смысле трансдисциплинарность не является *приглашением* или риторическим призывом «идти через границы». Это – *вызов*, род «предложения, от которого невозможно отказаться», поскольку мы, как исследователи, ввергнуты в реальность, сформированную логикой развития самой науки и её внешними регулятивами.

Просто «оставаясь на месте», мы рискуем попасть в ситуацию, столь же внезапную и сокрушительную, как встреча айсберга и «Титаника». Дело не только в том, чтобы сделать какой-нибудь флагман профессиональных решений более *айсбергозащищенным* путем совместной дискуссии с профанами в *титаникостроении*, но – экспертами по *айсберговедению* и *пассажироспасению*. В конце концов, это не всегда возможно, существует предел для технических решений в конкретной ситуации. Однако сама ситуация обдумывания и взвешивания выводит участников в область предельных человеческих ценностей, побуждает открывать такие стороны жизни, которых в обыденности принято избегать. Профессионалам, как адептам науки и техники, проще работать в направлении конструирования *Титаника-трансформера*, который мо-

жет вознестись на крыльях из катастрофической ситуации, чем рефлексировать над смыслом жизненных катастроф и достигать экзистенциальных результатов. Так, врачи знают, что решение «сделать все» для пациента в критическом состоянии может означать только «максимум медицинских вмешательств», как правило, с максимумом страданий и затрат, ухудшающих качество оставшегося промежутка жизни.

ТД-практика, таким образом, предполагает опору на *концепт* не просто как на проясненное содержание. «*Концепт – это результат совместного действия как минимум двух индивидуумов*», «как форма диалогической речи, которая сохраняет открытое пространство для *другого* как принципиально *иного*» [1, с. 30].

Вторая группа вопросов, затрагивающая методические приемы и инструменты трансдисциплинарности, может выглядеть так: *как построить общее пространство и достигнуть взаимопонимания? Каковы роли участников обмена в структуре группы? Как стимулировать творческую активность и видение альтернатив?*

Проблема взаимопонимания не исчерпывается переводом с экспертного языка на общеупотребительный и обратно. Такой перевод происходит и в дисциплинарной модели, на этапах принятия заказа и передачи результатов. Кроме того, замечено, что представители различных культурных и языковых групп довольно быстро синтезируют языки общения – жаргоны, пиджины и креолы – подобно тому, как это делают племена в зоне торговли и обмена.

Создание метаязыка относится с задаче перевода непереводаемого, пересечения непересекающихся пространств. Парадокс диалога, по Ю.М. Лотману, в том, что мы заинтересованы в общении именно в той ситуации, которая затрудняет общение, а в пределе – делает его невозможным. И чем труднее и неадекватнее перевод, тем ценнее факт общения [1, с. 32]. Кроме того, чем острее ситуация (например, когда возникает проблема оценки риска, угрозы или степени полезности того или иного решения), тем скорее возникают конфликтующие позиции, неспособные добиться согласия на уровне знания, всегда нагруженного личностными ценностями и предпочтениями.

Предполагается, что участники добиваются разрешения конфликта и достигают консенсуса на основе некоей общности настроения и живой вовлеченности. «Участник общения, „задетый за живое“, становится лично ответственным за тот смысл, который он не может переложить на посредничество каких-либо анонимных, коллективных и всеобщих инстанций. Содействие во взаимопонимании возникает на основе признания права каждого (открытости другому) на осмысление (сотворение) заново предзаданных смыслов» [1, с. 24]. Однако на деле не совсем так: одни группы находят взаимопонимание и развиваются во взаимодействии, в других происходит усиление профессиональной изоляции или их совместность лишь номинальна.

И здесь мы вступаем в область не очень знакомую отечественной традиции – в сферу *инженерии трансдисциплинарности*. «Процедура открывания сложного мира заменяется техникой дизайна, воплощения воображаемого и конструирования желаемого» [7, с. 175]. Это мир, в котором работает медиация, фасилитация, кросс-фертилизация с использованием open-minding (открытого творческого ума) и grass-rooting (инициативы снизу) в team building (создании команды) и другие не очень ясные для нас явления.

Впрочем, и вполне родные выражения могут не открыть свой концепт и конкретный жизненный смысл: «Важную роль в этих интегративных тенденциях играет методология трансдисциплинарного дискурса, интегральный, интервальный и субъектно ориентированный подходы, логика «включенного третьего» (антитетика), уровневый подход, сетевые модели рациональности, единство фундаментального и прикладного» [4].

Подобный способ описания, безусловно, является весьма компактным. Так, можно сказать, что Сократ, Паскаль и Шопенгауэр занимались лайф-коучингом, Лейбниц, Кант и Гегель использовали свой академический рейтинг и поднимали индексы цитирования, Диоген, Витгенштейн и Бахтин предпочли дауншифтинг, но все они успешно занимались ребрендингом идей.

Однако и у нас есть наследие, позволяющее лучше понять, что стоит за *нарративом об инжиниринге с участием стейкхолдеров*. В качестве способа овладения сутью названных выше приемов трансдисциплинарной инженерии может выступать анализ *случая (case method)* или рассмотрение *казуса*.

Казус – это событие, происшествие жизненного мира, сохраняющее культурно-историческую определенность («мгновенный хронотоп»). Кроме того, в казусе должно присутствовать качество трагедийной невозможности действовать при необходимости действовать, создаваемое противоборством равно мощных и убедительных сил. Участники казуса разыгрывают свои роли, настолько типичные и узнаваемые, что казус, как единичная история, выступает одновременно как всеобщее. Наконец, существует неявно выраженная ролевая позиция (например, рассказчика), которая интегрирует весь материал для передачи опыта [9, с. 163–171].

В качестве иллюстрации предлагаем для рассмотрения выбранный нами «казус Долли» из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [12].

Итак, Долли с детьми переехала на лето в деревню, чтобы уменьшить сколько возможно расходы и в надежде устроить лучше для детей. Ее ожидания: всё есть, все дешево, все можно достать – не оправдались. Степан Аркадьич, как и все виноватые мужья, очень заботившийся об удобствах жены, сам осмотрел дом и сделал распоряжения обо всем, по его понятию, нужном (перебить кретоном всю мебель, повесить гардины, расчистить сад, сделать мостик у пруда и посадить цветы). По приезде, вместо покоя и отдыха, Долли с детьми попала в страшные, с её точки зрения, бедствия: крыша течет, молока

и всего другого нет, грязно, в саду гулять нельзя, купаться негде, даже створки шкафа скрипят и произвольно открываются, стоит только пройти мимо. Дарья Александровна была в отчаянии и с трудом удерживала слезы. Управляющий не принимал никакого участия, говорил почтительно: «Никак невозможно, такой народ скверный» – и ни в чем не помогал.

«Но в доме Облонских, как и во всех семейных домах, было одно незаметное, но важнейшее и полезнейшее лицо – Матрена Филимоновна». Она успокаивала барыню, уверяла ее, что все образуется, и сама, не торопясь и не волнуясь, действовала. «Она тотчас же сошлась с приказчицей и в первый же день пила с нею и с приказчиком чай под акациями и обсуждала все дела. Скоро под акациями учредился клуб Матрены Филимоновны, и тут, через этот клуб, состоявший из приказчицы, старосты и конторщика, стали понемногу уравниваться трудности жизни, и через неделю действительно все образовалось».

Рассказчик (Толстой) довольно скупко обозначает технологию, по которой Матрена Филимоновна создает «клуб», и еще меньше раскрывает детали, из каких источников «все образовалось». Можно говорить о медиации (посредничестве), фасилитации (облегчении естественного хода процесса), кросс-фertilизации (обмене продуктивными идеями) и, конечно же, инициативе снизу, в противовес параличу воли «барыни», «ее мужа» и «управляющего».

Однако, авторские интонации создают тот понимаемый в нашей культуре ядерный *концепт*, который постоянно воспроизводится в множественных экзистенциальных ситуациях, порождаемых современным научно-технологическим прогрессом.

Список литературы

1. Киященко Л.П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // Santalka. Filosofija. – 2006. – № 1 (14). – С. 17–37.
2. Бойченко М.Ю. Трансдисциплинарность как вызов академичности науки и образования // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 4 (10). – С. 9–14.
3. Плахов А.С. Границы дисциплинарного описания науки: ризоматический подход // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XLII, № 4. – С. 143–154.
4. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Хартия трансдисциплинарности-2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-2.html> (дата обращения: 04.02.2016).
5. Хакуз П.М., Гура А.Ю., Лакербай З.К. Вопрос как исполнение вопрошания // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 4 (148). – С.19–32.

6. Хартия трансдисциплинарности (принята на Первом Всемирном конгрессе по трансдисциплинарности, Конвенто да Аррабида, Португалия, 2-7 ноября 1994 г.) [Электронный ресурс] / пер. с англ. В.И. Моисеева. – URL: <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-1.htm> (дата обращения: 04.02.2016).

7. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 10 (112). – С.193–201.

8. Андреев О.В., Киященко Л.П., Кудашов В.И. Медицина как трансдисциплинарный феномен [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-kak-transdisciplinarnyy-fenomen> (дата обращения: 01.02.2016).

9. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.

10. Александров Е.Б., Сергеев А.Г. Феномен лженауки в современном обществе и меры по противодействию лженаучным проявлениям [Электронный ресурс]. – URL: <http://klnran.ru/2014/06/sovbez/> (дата обращения: 06.02.2016).

11. Скоморохов М.В., Внутских А.Ю. Проблема демаркации науки и паранауки: история и современное состояние // Вестн. Вят. гос. гум. ун-та. – 2015. – № 7. – С. 16–21.

12. Толстой Л.Н. Анна Каренина [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kkworld.com/kitablar/Lev_Tolstoy_Anna_Karenina-rus.pdf (дата обращения: 06.02.2016).

References

1. Kiyashhenko L.P. Fenomen transdisciplinarnosti – opyt filosofskogo analiza [The phenomenon of transdisciplinarity – the experience of the philosophical analysis]. *Santalka. Filosofija*, 2006, no. 1 (14), pp. 17-37.

2. Bojchenko M.Yu. Transdisciplinarnost' kak vyzov akademichnosti nauki i obrazovaniya [Transdisciplinarity as a challenge of academic research and education]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2014, no. 4 (10), pp. 9-14.

3. Plaxov A.S. Granicy disciplinarnogo opisaniya nauki: rizomaticheskij podxod [Boundaries of disciplinary science description: rhizomatic approach]. *E'pistemologiya i filosofiya nauki*, 2014, vol. XLII, no. 4, pp. 143-154.

4. Kiyashhenko L.P., Moiseev V.I. Xartiya transdisciplinarnosti-2 [The charter of transdisciplinarity-2], available at: <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-2.html>

5. Xakuz P.M., Gura A.Yu., Lakerbaj Z.K. Vopros kak ispolnenie vo-proshaniya [Question as the execution of questioning]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, 2014, no. 4 (148). pp. 19-32.

6. Xartiya transdisciplinarnosti [The charter of transdisciplinarity], available at: <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-1.htm>

7. Knyazeva E.N. Transdisciplinarnye strategii issledovaniya [Transdisciplinary Research Strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 10 (112), pp. 193–201.

8. Andreenko O.V., Kiyashhenko L.P., Kudashov V.I. Medicina kak transdisciplinarnyj fenomen [Medicine as a transdisciplinary phenomenon], available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-kak-transdisciplinarnyy-fenomen>

9. Kiyashhenko L.P., Moiseev V.I. Filosofiya transdisciplinarnosti [Philosophy of transdisciplinarity]. Moscow: IFRAN, 2009. 205 p.

10. Aleksandrov E.B, Sergeev A.G. Fenomen lzhenauki v sovremennom obshchestve i mery po protivodejstviyu lzhenauchnym proyavleniyam [The phenomenon of pseudoscience in contemporary society, and measures to counter pseudoscientific manifestation], available at: <http://klnran.ru/2014/06/sovbez/>

11. Skomoroxov M.V., Vnitskix A.Yu. Problema demarkacii nauki i paranauki: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The problem of science and pseudoscience demarcation: its history and contemporary state], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2015, no 7, pp. 16–21.

12. Tolstoj L.N. Anna Karenina [Anna Karenina], available at: http://www.kkoworld.com/kitablar/Lev_Tolstoy_Anna_Karenina-rus.pdf

Получено 15.12.2015